

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Изучаются русский язык и литература:
«грамматическая близорукость»
препозитивного согласования в числе прилагательного
с однородными членами – существительными**

Попов С. Л. Изучаются русский язык и литература: «грамматическая близорукость» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами – именниками. У статті вивчається проблема нелогічності такого розповсюдженості у російській граматиці явища, як передпозитивне узгодження у числі прикметника з однорідними членами – іменниками. Аналізуються ортологічні рекомендації щодо такого узгодження. Звертається увага на перманентну логічність узгодження у множині прикметника та дієслова у постпозиції до однорідних членів – іменників і на позбавлення дієслова нелогічного узгодження в однині у передпозиції до однорідних членів – іменників, що відбулося в цілому під сучасну пору. Досліджуються та узагальнюються психологічні дані, що дозволяють пояснити причини нелогічності узгодження, яка розглядається у статті.

Ключові слова: *грамматична варіантність, синтаксис, узгодження, число, логіка, психологія, сприйняття, синкретизм, короткозорість.*

Попов С. Л. Изучаются русский язык и литература: «грамматическая близорукость» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами – существительными. В статье изучается проблема нелогичности такого распространенного в русской грамматике явления, как препозитивное согласование в числе прилагательного с однородными членами – существительными. Анализируются ортологические рекомендации относительно такого согласования. Обращается внимание на перманентную логичность согласования во множественном числе прилагательного и глагола в постпозиции к однородным членам – существительным и на состоявшееся в целом к настоящему времени избавление глагола от нелогичного согласования в единственном числе в предпозиции к однородным членам – существительным. Исследуются и обобщаются психологические данные, позволяющие объяснить причины рассматриваемой нелогичности согласования.

Ключевые слова: *грамматическая вариантность, синтаксис, согласование, число, логика, психология, восприятие, синкретизм, близорукость.*

Popov S. L. Изучаются русский язык и литература: "grammatical myopia" of prepositive agreement in number of adjectives with homogeneous nouns. The problem of irrationality of such a widespread Russian grammar phenomenon as prepositive agreement in number of adjectives with homogeneous nouns is studied. Orthologic recommendations for this agreement are analyzed. Attention is drawn to permanent consistency of agreement of plural verbs and adjectives in postposition to the homogeneous nouns and to liberation of illogical singular verb agreement in preposition to homogeneous nouns. Psychological data are studied and generalized in order to explain the cause of this illogical agreement.

Keywords: *grammatical variability, syntax, agreement, number, logic, psychology, perception, syncretism, myopia.*

В современном русском словоупотреблении сохраняется на удивление устойчивая синтаксическая нелогичность формы единственного числа прилагательного при согласовании его с существительными, являющимися однородными членами предложения (пример см. в названии настоящей статьи). Зафиксировать такое согласование как нелогичное позволяет следующий категориальный силлогизм: два и более существительных

в синтаксической функции однородных членов соотносятся с морфологическим понятием множественного числа и потому требуют формы множественного числа от согласуемых с ними слов; прилагательное при таких существительных – согласуемое слово; следовательно, прилагательное при таких существительных должно принимать форму множественного числа. Из этого силлогизма в свою очередь и следует, что форма единст-

венного числа прилагательного в таком случае абсурдна, то есть нелогична. Указанная нелогичность периодически тревожит умы рефлексирующих носителей языка (*homo reflectens*, по терминологии И. Т. Вепревой [3:87]). Например, такая, с модальной рамкой недоумения, рефлексия оказалась весьма эксплицитной в недавнем рассказе доцента кафедры русского языка факультета журналистики МГУ М. А. Штудинера, прозвучавшем во время «языковой» передачи на радио «Эхо Москвы»:

«М. ШТУДИНЕР: Я вспомнил сейчас одну историю, приблизительно 20-летней давности. Это было на самом излете перестройки. Я случайно оказался у телефона на нашей кафедре, когда позвонил референт заместителя министра культуры СССР и сказал, что замминистра хотел, чтобы кто-то из наших специалистов его проконсультировал. И вот я разговаривал с замминистра. Какой же вопрос он мне задал? Он сказал, что у нас есть журнал «Советская эстрада и цирк». Говорят, что это неправильное название, потому что получается, что цирк не советский. Я успокоил заместителя министра, сказал, что цирк тоже советский и что только так и нужно, и привел ему хрестоматийный пример: «Дикый гусь и утка прилетели первыми». Но особенное впечатление на него произвел пример из партийных документов: «Советская печать, радио и телевидение», именно так и говорили. О. СЕВЕРСКАЯ: Т.е. радио и телевидение не советские. М. ШТУДИНЕР: Замминистра очень обрадовался, что ничего менять не нужно. Мы попрощались. И через минуты две позвонил разъяренный референт, потребовал, чтобы я назвал свое имя, должность, звание, а потом у меня спрашивает: «Почему вы устанавливаете такую норму?». Я не стал ему объяснять, что нормы языковеды не устанавливают, что нормы формируются стихийно, в речевой практике, и лингвисты только наблюдают, фиксируют то, как говорят многие культурные люди, фиксируют употребление» [6].

В связи с процитированным фрагментом радиопередачи отметим два важных момента: 1) позиция М. А. Штудинера типична для кодификаторов, которые принципиально не замечают нелогичности рассматриваемого согласования, демонстрируют невмешательство в естественный отбор языковых норм, то есть политику, представляющую собой общее место в кодификаторском дискурсе (опасение быть уличенными в командном навязывании языковых норм – основа современ-

ной гиперкорректности «русскоязычной» кодификации); 2) позиция заместителя министра культуры СССР (поддавшегося лишь авторитету знакового для него «партийного» примера *советская печать, радио и телевидение*), его рассерженного референта и внимательного журналиста О. Северской, то есть по воле случая всех «не лингвистов-кодификаторов», есть позиция *homo reflectens* как радетелей за логичность грамматики.

Тургеневский пример о на самом деле логично *диких*, а не нелогично *диком* (как у писателя-классика) *гусе и утке* действительно хрестоматиен. Идущая от Д.Э. Розенталя установка – единственное число прилагательного возможно, если понятно, что оно относится к обоим существительным [17:220–221], – поддерживается (по сути – повторяется) всеми последователями ученого [18:202–203; 7:384–385; 1:273–274]. Д.Э. Розенталь, развивая идею языковой нормативности такого нелогичного согласования, ставит в пример читателям эмоциональную реакцию Д. Н. Овсяннико-Куликовского в 1907 году на предложение *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» (цит. по [17:220]). Это означает, что в 1907 году ухо могла не резать лишь конструкция *моего брата и сестру* (но, как показывает тот же пример, даже тогда ухо – не всякое: встречались и в то время носители языка – логицисты). По мнению Д. Э. Розенталя, выдержанному в том же, непримиримом с логикой, ключе, «из двух вариантов: *Мой отец с матерью приехали сюда* и *Мои отец с матерью приехали сюда* предпочтительнее первый» [17:220].

Целью настоящей статьи является выяснение современной тенденции препозитивного согласования в числе прилагательного с существительными – однородными членами и установление психологической причины такого согласования в форме единственного числа.

Примеры Национального корпуса русского языка показывают, что современные носители не руководствуются рекомендацией Д. Э. Розенталя в отношении примера *мой отец с матерью*. И в других примерах этого типа единственное число прилагательного наблюдается не всегда. В частности, уменьшает шансы единственного числа разный род определяемых существительных: так, *морской прилив и отлив* принимается несколько легче, чем *морская пена и прибой*, но тоже далеко не всеми говорящими по-русски без акцента. Что же касается «разнородного»

примера *русский язык и литература*, то его, по-видимому, очень поддерживает высокая частотность употребления, превратившая это словосочетание если не в негативно оцениваемый штамп, то, во всяком случае, в стилистически нейтральный языковой стандарт. Тем не менее в Национальном корпусе русского языка имеются примеры, демонстрирующие наметившуюся тенденцию избегания нелогичности такого употребления, пусть даже ценой громоздкости конструкции: *русский язык и русская литература*.

Чтобы понять причину нелогичного согласования прилагательного в единственном числе с существительными – однородными членами, обратим внимание на три синтаксических момента.

В постпозиции к таким существительным прилагательное всегда согласуется с ними в форме множественного числа: *эстрада и цирк – советские, гусь и утка – дикие, печать, радио и телевидение – советские*.

В обеих позициях по отношению к таким существительным – в письменной речи – глагол в настоящее время имеет форму множественного числа. То есть рекомендация Д. Э. Розенталя употреблять сказуемое в единственном числе, если это сказуемое находится в препозиции к определяемым однородным существительным [17:209] (в целом поддержанная его последователями [18:198; 7:378–379; 1:246–247]), уже не работает (данный факт подтверждает В. А. Ицкович [8:39]; см. также число сказуемого в примере, содержащемся в названии настоящей статьи).

В устной речи нелогичное согласование препозитивного глагольного (или другого) сказуемого с однородными подлежащими в единственном числе (например, *Приехал Иван и Петр*) – встречается.

Поскольку подобная нелогичность наблюдается только в случае препозиции прилагательного или глагола к определяем существительным и чаще в речи устной, то есть неподготовленной, наперед не продуманной, логично предположить, что в этих случаях говорящий фиксирует свое внимание на ближайшем существительном лишь потому, что «близоруко не замечает» второе существительное, следующее за ближайшим.

Это предположение со всей очевидностью поддерживается множественным числом постпозитивного прилагательного или глагола, в этой позиции уже «увидевшего» определяемые им существительные, а следо-

вательно, зафиксировавшего их грамматически множественное число.

Высказанное предположение подтверждается и данными психологических наблюдений. Если отмеченную нами «близорукость» рассматривать как некое несоответствие должному уровню развития (языка или его носителей – в данном случае несущественно), то уместным представляется обращение к психологической литературе, посвященной проблемам детской психологии, поскольку особенности логического развития человеческого языка обнаруживают аналогию с особенностями развития логики у «человека начинающего», то есть ребенка.

Рассмотрим несколько высказываний психологов, занимавшихся вопросами развития мышления у ребенка (подчерки – наши).

Ж. Пиаже: «маленькая Жаклин, увидев свою фотографию, сделанную в более раннем возрасте, сказала, что «это Жаклин, когда она была Люсьен (ее младшей сестрой)...» [11:35]; «Что касается фундаментальных форм построения заключений, таких как транзитивность A(R)C, если A(R)B и B(R)C, то на данном уровне [в возрасте от 5–6 до 7–8 лет. – С. П.] ребенок еще ими не владеет. ...если ребенку показывают три стакана разной формы, причем в А находится красная жидкость, в С – синяя, а в В ничего нет, и затем за ширмой меняют местами содержимое А и С посредством В, то ребенок, видя этот результат, считает, что жидкость была перелита напрямую из А в С и одновременно из С в А, и даже не пытается это выполнить, пока не приходит к пониманию того, что это невозможно» [там же:42–43]; «Два небольших сосуда А и А-2, имеющие равную форму и равные размеры, наполнены одним и тем же количеством бусинок. Причем эта эквивалентность признается ребенком, который сам раскладывал бусинки: он мог, например, помещая бусинку в сосуд А, одновременно другой рукой класть другую бусинку в сосуд А-2. После этого, оставляя сосуд А в качестве контрольного образца, пересыпаем содержимое сосуда А-2 в сосуд В, имеющий другую форму. Дети в возрасте 4-5 лет делают в этом случае вывод, что количество бусинок изменилось, даже если они при этом уверены, что ничего не убавлялось и не прибавлялось. Если сосуд В тоньше и выше, они скажут, что «там больше бусинок, чем раньше», потому что «это выше», или что их там меньше, потому что «это тоньше», но во всяком случае все они согласятся с тем, что целое не осталось неизменным» [12:183–184].

П. П. Блонский: «Для самой ранней стадии представлений школьников о лесе характерно, во-первых, то, что лес обычно представляется как определенный конкретный частный лес, в котором был ребенок: «Я был в лесу, я видел там белку», «Лес у нас густой» и т.д. Вторая характерная особенность – та, что представляются главным образом те животные и растения, которые ребенок может видеть в лесу: «В лесу очень много грибов», «В лесу живут ужи» и т. д. Представление о лесе еще очень частное, и основной источник его – непосредственное зрительное восприятие самого ребенка» [2:177].

Д. Н. Узнадзе: в одном из экспериментов, связанных с определением групп фигур по определенным признакам, «испытуемая определяет группу по тому признаку, который она при восприятии фигур заметила в первую очередь» [19:110]; «в содержание понятия семилетние дети вкладывают лишь наглядные признаки (цвет, форма, размер)...» [20:37]; в возрасте 8-10 лет «ребенок все еще продолжает оставаться в плену наглядности, он еще не способен заметить и выделить отвлеченные признаки ...» [там же:338].

Л. С. Выготский: «Нисколько не должно удивлять, что школьник, казалось бы, внешне владеющий приемами логического мышления, тем не менее еще не овладел логикой в истинном смысле этого слова. Мы наблюдаем здесь чрезвычайно интересную параллель с общим законом развития ребенка: ребенок, как правило, всегда овладевает раньше внешними формами, чем внутренней структурой какой-нибудь мыслительной операции. Ребенок начинает считать задолго до того, как он понимает, что такое счет, и осмысленно применяет его. В речи ребенка имеются такие союзы, как «потому что», «если бы», «хотя», задолго до того, как в его мышлении появляется сознание причинности, условности и противопоставления. Подобно тому как грамматическое развитие детской речи идет впереди развития логических категорий, соответствующих этим речевым структурам, и овладение внешними формами логического мышления, особенно в применении к внешним конкретным ситуациям в процессе наглядного и действенного мышления, идет впереди внутреннего овладения логикой» [5:90].

А. Н. Леонтьев: «первобытное [т.е. соотносимое с детским. – С. П.] сознание имеет совсем другое внутреннее строение, чем наше, ... характеризуется еще недифференцированностью смыслов и значений...» [9:316].

Р. Г. Натадзе приходит к выводам «о недопустимости отождествления правильного практического использования слова с овладением логическим понятием и о возможности правильного манипулирования «функциональным эквивалентом» понятия, когда оно представлено в сознании конкретными объектами, репрезентирующими соответствующие группы или категории «подобных» объектов, общие объективные признаки которых не осознаны» [10:260].

Д. Б. Эльконин, ссылаясь на кандидатское исследование У. В. Ульянковой, посвященное формированию дедуктивного мышления у детей дошкольного возраста, пишет о следующих этапах такого формирования:

«На первом этапе ребенок не оперирует никакими общими положениями, не обосновывает своих утверждений, а если и дает обоснование, то самое случайное.

На втором этапе ребенок уже оперирует общим положением, но оно еще неадекватно отражает реальную действительность. Он пытается обосновать свое решение ссылкой на некоторое обобщение, но такое, которое выведено по случайным, внешним признакам.

На третьем этапе ребенок оперирует общим положением, в какой-то мере уже отражающим существенные стороны действительности, но не охватывающим всех возможных случаев» [21:229].

Исследователи обращают внимание и на такую важную особенность детского «прединтеллекта», как невосприятие противоречий. Например, Ж. Пиаже свидетельствует: «Некоторые дети на все фразы, которые им предлагают дополнить, дают явно фантастические ответы: Мур (6 л.), «Жан уехал, несмотря на то что он уехал в горы»; «Эмиль играет на улице, несмотря на то чтобы не быть раздавленным автомобилями. ...Выраженное противоречие, иначе говоря, противоречие, обозначаемое союзами подчинения («хотя», «однако», «несмотря на», «все-таки»), понимается, по-видимому, лишь к 11–12 годам и уж не раньше 10 лет» [13:224–226]. Д. Б. Эльконин тоже подчеркивает, что, дети младшего школьного возраста чаще всего не реагируют на противоречия [21:203].

Кроме того, экспериментально доказано, что «младший дошкольник не умеет еще управлять своим взором. Его взгляд сначала как бы блуждает, скачет по предмету. У старших дошкольников появляется более систематическое рассматривание и последовательное передвижение взгляда» [там же, 205].

Приведенные высказывания либо показывают на примерах, либо непосредственно сообщают, что в дошкольном и раннем школьном периоде (младших классах) дети оперируют не понятиями, а их синкретичными «предшественниками». Отсюда следует неспособность фиксировать в сознании все существенные признаки понятия истинного, в силу чего дети часто обращают внимание на признаки для того или иного понятия несущественные, а именно на те, которые прежде всего оказываются в зоне их эмпирического, в первую очередь зрительного, восприятия, и не замечают не находящиеся в этой зоне существенные признаки, в том числе, разумеется, и тогда, когда эти последние – лишь с позиции взрослого наблюдателя – противоречат фиксируемым детьми несущественным признакам. То есть дети не видят противоречия потому, что не видят сам признак, противоречащий тому признаку, который они видят (так, в примере Ж. Пиаже шестилетний Мур не воспринимает истинное значение союза *несмотря на то что* (фр. *malgré que*) именно как признак конкретной ситуации и потому не видит возникающих вследствие этого противоречий). И это совсем не то же, что не воспринимать противоречие, адекватно воспринимая сами противоречащие друг другу признаки. Восприятие, учитывающее не все существенные для данного понятия, а лишь эмпирически наиболее очевидные и далеко не всегда существенные для него признаки, мы считаем корректным метафорически называть близоруким и в лингвистическом смысле.

По мнению Л. С. Выготского, в который раз подчеркивающему связь логического мышления и языка, «отсутствие грамматических форм в речи служит явным признаком того, что в речевом мышлении и обозначении ребенка отсутствует указание на связи и отношения между предметами и явлениями, потому что именно грамматические формы являются знаками, выражающими эти связи и отношения...» [4:51].

Л. С. Выготский формулирует также интересный для наших целей нейробиологический закон: «если внутри психомоторной сферы действие высшей инстанции становится слабым функционально, то самостоятельной становится ближайшая низшая инстанция с собственными примитивными законами» [5:286]. Почитаемый мировой наукой

«Моцарт психологии» формулировал этот закон для объяснения сущности такого тяжелого заболевания, как афазия. Однако логично допустить, что «действие высшей инстанции» может не только ослабевать, но и само по себе «не достигаться» в ходе развития. И тогда человек просто остается на низшей стадии с ее «примитивными законами».

Аналогично на такой стадии может остаться и человеческий язык в отдельных своих, прежде всего грамматических, проявлениях. Например, помимо рассматриваемых выше, на такой нелогичной стадии пребывают примеры типа *первая и вторая смена, мой и твой отец* (рекомендуемые в [17:219]) или *ВАК и МИД* – мужского рода по признаку «внешний облик аббревиатуры», а не по глубинному, более логичному признаку «род стержневого слова» (оспаривать такое поверхностное установление рода аббревиатуры, конечно, бессмысленно: «все так говорят», даже доктора филологических наук по специальности «русский язык»).

На нелогичной, поверхностной стадии может «задержаться» и любое научное исследование, в частности посвященное выявлению признаков, дифференцирующих русские грамматические варианты. Так, оказываются поверхностными: исключительно стилистическое объяснение различий между вариантами типа *по окончании* (высок.) – *после окончания* (нейтр.) (см. об этом [15]), фиксирование множества признаков, не существенных для выбора формы числа сказуемого при его согласовании с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием (например, *несколько автомобилей стоит/стоят у подъезда*) (см. [14]), и ориентированное только на признак частотности утверждение о вытеснении а-гетивом (*чая*) у-гетива (*чаю*) (см. [16]).

Очевидно, можно считать доказанной связь рассматриваемого нами нелогичного грамматико-синтаксического согласования с такой психологической особенностью логически взрослеющего интеллекта, как близорукое восприятие и следующая из него поверхностность осмысления предметов и явлений действительности.

Представляется актуальным дальнейшее изучение логико-психологических оснований русской грамматики и интерпретирующей ее ортологии.

Литература

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с.
2. Блонский П. П. Развитие мышления школьника // Блонский П. П. Избранные психологические произведения / П. П. Блонский. — М. : Просвещение, 1964. — 141—283 с.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте : Психол. очерк : Кн. для учителя. — 3-е изд. / Л. С. Выготский. — М. : Просвещение, 1991. — 93 с.
5. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина / Л. С. Выготский. — М. : Педагогика, 1984. — 432 с., ил.
6. Говорим по-русски. Передача-игра : Нормативные словари и норма : как нам со всем этим быть? (стенограмма от 06.09.2009 г., радио «Эхо Москвы»). — Режим доступа : <http://www.echo.msk.ru/programs/speakrus/617358-echo/>.
7. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — 8-е изд. — М. : Айрис-пресс, 2007. — 448 с.
8. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — М. : Наука, 2001. — 557 с.
9. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — 4-е изд. / А. Н. Леонтьев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 584 с.
10. Натадзе Р. Г. К онтогенезу формирования понятия (формирование понятия в школьном возрасте) / Р. Г. Натадзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1976. — 268 с.
11. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже. — 5-е изд. — СПб. : Питер, 2004. — 160 с.
12. Пиаже Ж. Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже. — М. : Просвещение, 1969. — С. 55—231.
13. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Пер. с франц. и англ. ; Сост., комм., ред. перевода Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова / Ж. Пиаже. — М. : Педагогика-Пресс, 1994. — 528 с.
14. Попов С. Л. О семантическом критерии выбора варианта при согласовании в числе сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием / С. Л. Попов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. — № 707, сер. «Філологія», вип. 46. — Харків, 2005. — С. 10—13.
15. Попов С. Л. О семантическом различии вариантов типа по окончании — после окончания / С. Л. Попов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. — № 572, сер. «Філологія», вип. 36 «Семантика, поетика та прагматика тексту». — Харків, 2002. — С. 123—126.
16. Попов С. Л. Проблема паритивности в современном русском языке: семантико-морфологический аспект / С. Л. Попов // Русская филология. Украинский вестник : Республиканский научно-методический журнал. — № 2(36). — Харьков, 2008. — С. 23—27.
17. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М. : Высш. школа, 1977. — 316 с.
18. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г. Я. Солганик. — 4-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.
19. Узнадзе Д. Н. Выработка понятий в дошкольном возрасте // Узнадзе Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Узнадзе. — М. : Наука, 1966. — С. 76—134.
20. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе ; Под ред. И. В. Имедадзе / Д. Н. Узнадзе. — М. : Смысл ; СПб. : Питер, 2004. — 413 с. : ил.
21. Эльконин Д. Б. Детская психология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Даниил Борисович Эльконин ; Ред.-сост. Б. Д. Эльконин — 2-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 384 с.